

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.2>

UDC 94(470)01
LBC 63.2

Submitted: 20.06.2017
Accepted: 05.06.2017

EASTERN TRADITIONS AND INNOVATIONS IN SARMATIAN MONUMENTS OF SECOND HALF OF THE 2nd – 4th cc. AD ¹

Mikhail V. Krivosheev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The appearance of the monuments of the late Sarmatian culture has been recorded since the middle of the 2nd century AD on a vast territory from the Southern Urals to the Lower Don. The new culture is characterized by its own characteristics that distinguish it from the previous culture. This is the northern orientation of the buried, narrow pits and graves, artificial deformation of skulls, square censers, long stalks, mirrors with a central loop, stone tops and staples of swords. In different regions the formation of culture is characterized by specific features. In the Southern Urals, the late Sarmatian culture is represented in the purest form. In the Lower Volga region, a complex is formed, in which the signs of both late Sarmatian and Middle Sarmatian cultures are combined. This is due to the large number of the previous population which remained here. In the Lower Don region, there is a rapid change of cultures. The given article attempts to determine the area of distribution of elements of the late Sarmatian culture and the degree of their influence in different regions. The analysis shows that as for second half of the 2nd – first half of the 3rd century AD, we can talk about a unified late Sarmatian culture from the Trans-Ural to the Lower Don.

Some features of the late Sarmatian culture are revealed in the Northern Black Sea region, but they are disjointed and not dominant. This does not allow to include the Northern Black Sea Coast in the area of distribution of the late Sarmatian culture.

Finds of eastern origin in the late Sarmatian monuments indicate the absence of stable trade and economic ties with the territories of Middle and Central Asia. The occurrence of such things was of an accidental nature, and they were distributed together with their owners. At present, there is no reason to talk about the possible functioning of the northern branch of the Silk Road through the steppes of the Ural-Don region in the late Sarmatian period.

Key words: Sarmatians, Late Sarmatian culture, innovations, trade relations, Eastern traditions.

Citation. Krivosheev M.V. Eastern Traditions and Innovations in Sarmatian Monuments of Second Half of the 2nd – 4th cc. AD. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]*, 2017, vol. 22, no. 4, pp. 17-27 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.2>

УДК 94(470)01
ББК 63.2

Дата поступления статьи: 20.06.2017
Дата принятия статьи: 05.06.2017

ВОСТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II – IV в. н.э. ¹

Михаил Васильевич Кривошеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Появление памятников позднесарматской культуры фиксируется начиная с середины II в. н.э. на огромной территории от Южного Приуралья до Нижнего Дона. Новая культура характеризуется собственными признаками, отличающими ее от предшествующей культуры. Это северная ориентировка погребенных, узкие ямы и подбойные могилы, искусственная деформация черепов, квадратные курьильницы, длинные оселки, зеркала с центральной петелькой, каменные напершия и скобы мечей.

В разных регионах проявляется собственная специфика в формировании культуры. В Южном Приуралье позднесарматская культура представлена в наиболее чистом виде. В Нижнем Поволжье складывается

комплекс, в котором сочетаются признаки как позднесарматской, так и среднесарматской культур. Это связано с большим количеством предшествующего населения, оставшегося здесь. В Нижнем Подонье происходит быстрая смена культур. В предлагаемой работе сделана попытка определить ареал распространения элементов позднесарматской культуры и степень их влияния в различных регионах. Анализ показывает, что для второй половины II – первой половины III в. н.э. можно говорить о единой позднесарматской культуре от Зауралья до Нижнего Дона.

В Северном Причерноморье отмечаются отдельные черты позднесарматской культуры, однако они разрознены и не являются доминирующими. Это не позволяет включать Северное Причерноморье в ареал распространения позднесарматской культуры.

Находки восточного происхождения в позднесарматских памятниках указывает на отсутствие устойчивых торгово-экономических связей с территориями Средней и Центральной Азии. Попадание таких вещей к сарматам носило случайный характер, и они распространялись вместе с их владельцами. На данный момент нет оснований говорить о возможном функционировании северного ответвления Шелкового пути через степи Урало-Донского региона в позднесарматский период.

Ключевые слова: сарматы, позднесарматская культура, инновации, торговые отношения, восточные традиции.

Цитирование. Кривошеев М. В. Восточные традиции и инновации в сарматских памятниках второй половины II – IV в. н.э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 17–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.2>

Позднесарматская культура появилась в южнорусских степях с середины II в. н.э. и имела специфические особенности: индивидуальные захоронения под небольшой земляной насыпью, узкие прямоугольные ямы без подбоев и с подбоями, северная ориентировка погребенных, искусственная деформация черепов, определенные наборы погребального инвентаря.

Процесс формирования позднесарматской культуры в различных регионах имел свою специфику, что ярко демонстрирует миграционный характер ее формирования. В Южном Приуралье в погребальной обрядности в более чистом виде представлены те черты, которые характеризуют позднесарматскую культуру. Это связано с тем, что, вероятно, в период освоения этой территории носителями позднесарматских традиций регион был слабо заселен. Об этом здесь свидетельствует малочисленность памятников среднесарматского времени, которые преимущественно тяготеют к границам лесостепной зоны [26, с. 22]. Практически полное отсутствие признаков среднесарматской культуры в позднесарматских памятниках Южного Приуралья и Зауралья говорит в пользу того, что новое население не испытывало влияния традиций предшествующего населения. Этот факт косвенным образом свидетельствует о появлении носителей позднесарматской культуры с территории, находящейся вне ареала распро-

странения среднесарматской археологической культуры, который охватывал преимущественно Нижнее Поволжье и Нижнее Подонье.

Совсем иная картина формирования позднесарматской культуры характерна для Нижнего Поволжья, где с середины II в. н.э. появляются позднесарматские комплексы, которые соседствуют со среднесарматскими захоронениями и синхронны им в единых могильниках [12]. Формирование позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье проходило при мощном субстратном компоненте среднесарматского населения, что обусловило длительное сохранение среднесарматских традиций, в первую очередь в Волго-Донском междуречье. Сравнительный анализ территории Заволжья и Волго-Донского междуречья показывает, что в середине II в. происходит резкий отток носителей среднесарматских традиций с территории Заволжья в междуречье, что фиксируется в виде резкого увеличения числа диагональных погребений на правом берегу Волги именно в это время [14]. Процесс этот, вероятно, связан с появлением с востока носителей позднесарматской культуры, под давлением которых среднесарматские племена Заволжья вынуждены были переселяться в междуречье Волги и Дона.

Территория междуречья Волги и Дона, ввиду высокой концентрации здесь среднесарматского населения после середины II в. н.э., наиболее долго, до первой половины III в. н.э.,

сохраняет черты предшествующей культуры в погребальном обряде [33, с. 69]. Позднесарматские новации здесь проникают постепенно, появляется вариант культуры, сочетающий в погребальном обряде традиции обеих культур. Наиболее консервативной в этом плане остается северная часть Волго-Донского междуречья.

Еще один регион распространения позднесарматской культуры – Нижнее Подонье. Здесь среднесарматские традиции были не менее сильны, чем в Поволжье, но исчезают они значительно быстрее. Хотя немногочисленные комплексы со среднесарматскими чертами можно отнести к началу III в. н.э.

Длительное сосуществование средне- и позднесарматских традиций в некоторых регионах распространения позднесарматской культуры после середины II в. н.э. наблюдается там, где субстратный компонент был многочисленен, как в Волго-Донском междуречье. Здесь формируется культура, сочетающая признаки обеих культурных традиций.

Там же, где пришлое позднесарматское население либо занимает слабозаселенные территории, как в Южном Приуралье, либо вытесняет предшествующее население, наблюдается господство позднесарматских традиций.

Итак, несмотря на сложную этнокультурную картину формирования позднесарматской культуры, несомненным кажется вопрос о миграционном характере появления носителей позднесарматской культуры на территориях, где процесс ее формирования завершается и культура приобретает известные нам черты.

Появление носителей позднесарматской культуры носило, видимо, характер военного вторжения. Об этом говорит и резкий отток среднесарматского населения из Заволжья в междуречье Волги и Дона после середины II в. н.э. [14, с. 58, 59]. К середине II в. н.э. относятся разрушения укреплений Танаиса, что можно связать с появлением позднесарматских племен в низовьях Дона [2].

В данной работе я не касаюсь вопросов происхождения позднесарматской культуры. Современное состояние проблемы подробно описано в недавних работах [22; 23, с. 146–162; 34]. Общепринятых решений пока не предложено. По мнению большинства исследователей, кочевники, продвинувшиеся в середине II в. н.э. в степи Южного Приуралья,

Поволжья, Подонья, имели восточное происхождение.

В свое время А.С. Скрипкин подробно аргументировал версию об участии в формировании позднесарматской культуры среднеазиатского компонента, тем самым подтверждая восточные корни позднесарматских традиций [31]. В.Ю. Малашев предлагает искать истоки позднесарматской культуры также на востоке, на территории Центрального и Северного Казахстана [23, с. 169–170].

Вопрос о происхождении позднесарматской культуры пока еще далек от окончательного решения. Но анализ материала позволяет очертить круг инноваций, принесенных позднесарматскими племенами.

Одним из таких элементов является северная ориентировка погребенных. Она встречается и в более раннее время – в раннесарматских и в среднесарматских памятниках [7, с. 91; 11]. А.С. Скрипкин предполагает некую связь между появлением в раннесарматской культуре погребений с северной ориентировкой и долихокранного антропологического типа, которые фиксируются в памятниках раннесарматского времени II–I вв. до н.э. [3, с. 72, 73; 11; 35]. Автор предполагает возможность существования некой единой территории, из которой могли исходить миграции, принесшие новый этнический компонент в раннесарматскую среду и повлиявшие на формирование позднесарматской культуры во II в. н.э. [35, с. 108–109].

С миграцией носителей позднесарматской культуры в середине II в. н.э. северная ориентировка становится доминирующей. В Южном Приуралье она достигает 97 % [23, с. 27]. В Нижнем Поволжье, ввиду длительного сохранения среднесарматских традиций, на начальном этапе позднесарматской культуры северная ориентировка доходит до 57 %. При этом она крайне высока в Заволжье (84 %) и уступает южной в междуречье Волги и Дона (41 %) [14, с. 60]. На Нижнем Дону северная ориентировка значительно превосходит южную [27, с. 88, табл. 1, 14].

Для степей Северного Причерноморья северная ориентировка вряд ли может служить четким индикатором позднесарматской культуры – здесь она фиксируется со II в. до н.э. С середины II в. н.э. широко распростра-

няются индивидуальные насыпи и могилы в простых ямах и подбоях [29, с. 149–159; 30]. Однако ряд черт (таких, к примеру, как ровики рядом с курганами, специфические типы местной керамики, абсолютно не характерные для позднесарматской культуры) свидетельствуют о господстве здесь неких традиций, отличных от позднесарматских.

Новым признаком, ранее не фиксируемым у носителей ранне- и среднесарматской культур, стала деформация черепов. Северная ориентировка погребенных и искусственная деформация – явления одновременные и связаны с появлением носителей позднесарматской культуры с востока [32, с. 72]. Традиция деформации практиковалась на территории Средней Азии еще с эпохи бронзы. В раннем железном веке деформация встречается на этой территории, но к сарматам не проникает [4, с. 127–138]. Заимствование этого обряда сарматами из другой культурной среды показательно на примере одного из наиболее ранних комплексов позднесарматской культуры с деформацией черепа из кургана 11 могильника Старица [39]. Погребение совершено в подквадратной яме, с южной ориентировкой погребенной, что более характерно для среднесарматской культуры. Однако в инвентаре присутствуют вещи, получившие распространение в позднесарматской культуре. Комплекс может датироваться временем около середины II в. н.э. [17, с. 126]. Погребенная была пожилого возраста. Однако деформация черепа могла быть совершена лишь в ее младенчестве, в последней четверти I в. н.э.

Ситуация с распространением деформации в позднесарматское время сходна с ситуацией с северной ориентировкой. У сарматов от Южного Приуралья до Нижнего Дона она появляется не ранее середины II в. н.э. с приходом носителей позднесарматской культуры. В Южном Приуралье деформация черепов достигает 70 % [23, с. 28]. В зауральских памятниках деформация также встречается очень часто [10, с. 127]. В Нижнем Поволжье во второй половине II – первой половине III в. н.э. деформация достигает около 70 % [4, с. 96]. Однако в Заволжье этот показатель близок к 85 %, а в междуречье Волги и Дона 64 %. Вероятно, в среде наследников среднесарматской культуры в междуречье новые традиции распространялись мед-

леннее. На Нижнем Дону деформация встречается в 54 % комплексов [5, с. 41].

В Северном Причерноморье деформация встречается крайне редко и является скорее исключением для позднесарматского времени [18], что не позволяет говорить о повсеместном распространении здесь этой традиции.

В круг инноваций, принесенных позднесарматскими племенами в процессе продвижения на запад, можно включить керамические сосуды среднеазиатского производства. Наибольшее число находок сосредоточено в памятниках Южного Приуралья и несколько сосудов – в могильниках Заволжья [23; 25]. Большая их часть датируется ранним этапом позднесарматской культуры. М.Г. Мошкова связывает попадание их к сарматам Южного Приуралья с торговыми и обменными контактами со среднеазиатскими народами. В Заволжье же такая керамика могла оседать в районах караванных переправ из Средней Азии в более западные районы [25, с. 112].

Если принимать данную версию о таких механизмах распространения среднеазиатских сосудов, то не вполне понятна ситуация с полным их отсутствием к западу от Волги: и в междуречье, и на Нижнем Дону. Из предложенных М.Г. Мошковой вариантов более убедительной кажется версия о маршрутах перекочевков южноуральской группы кочевников, которые могли достигать районов Средней Азии и именно там получать среднеазиатские сосуды. Нельзя исключать, что небольшие партии сосудов поступали в сарматскую среду посредством торговли. Однако малочисленность керамики среднеазиатского происхождения в позднесарматских комплексах позволяет усомниться в том, что она могла быть предметом активного импорта.

Комплексы со среднеазиатской посудой вряд ли датируются наиболее ранним периодом позднесарматской культуры. Некоторые уверенно относятся к концу II – первой половине III в. н.э. То есть сосуды из Средней Азии попадали в погребения не с первой волной носителей позднесарматской культуры в середине II в. н.э., а когда появились устойчивые маршруты перекочевков, связавшие Южное Приуралье со Средней Азией. Эта версия вполне согласуется с теорией «мужских миграций», когда авангардом являются некие мужские кол-

лективы, вряд ли обремененные скарбом. Они составляли основу кочевого ядра миграции. Высокая степень мобильности, вероятно, позволила им в краткие сроки распространить новую культуру на огромные территории, подчинив себе местные кочевые племена.

Неотъемлемым атрибутом позднесарматской археологической культуры принято считать кубические курильницы. Кубическая форма курильниц не уникальна для позднесарматского времени. Они известны еще в раннесарматских погребениях [35]. А.С. Скрипкин связывает их появление в первой половине II в. до н.э. с незначительным притоком нового населения, которое могло принести с собой традицию северной ориентировки погребенных, антропологический компонент длинноголовых европеоидов и кубические курильницы. Эти новые элементы фиксируются в погребальном обряде, однако они не получили широко распространения в раннесарматской среде [11; 35].

В среднесарматское время также отмечаются единичные находки курильниц кубической формы как в Южном Приуралье [26, с. 37], так и в Поволжье. А.А. Глухов связывает присутствие таких курильниц в Заволжье в начале II в. н.э. с появлением здесь элементов позднесарматской культуры [7, с. 66].

На Нижнем Дону кубические курильницы не слишком многочисленны, однако встречаются на обоих берегах Дона [27, с. 89, табл. 1, 21].

В памятниках Северного Причерноморья кубические курильницы встречаются редко и не являются ведущим типом [9, с. 50, рис. 25, 2–6].

Отличительной чертой позднесарматской культуры стали оселки больших размеров. Они повторяют небольшие оселки, которые были характерны для более ранних периодов [26, с. 37], однако их длина может варьироваться от 20 до 68 см. Ареал распространения таких оселков совпадает с территорией распространения позднесарматской культуры. Они практически с одинаковой частотой встречаются в Южном Приуралье, в Поволжье и на Нижнем Дону. В подавляющем большинстве случаев крупные точильные камни находят в погребениях первой половины III в. н.э. В мужских захоронениях они

во всех случаях встречены с предметами вооружения или наборами клинкового оружия [15]. В Северном Причерноморье находка крупного, сильно уплощенного оселка известна в комплексе богатого подбойного погребения в Олонештах [19, с. 296, рис. 4, 7], которое может являться одним из самых ранних комплексов круга позднесарматских древностей в регионе [16, с. 107]. В этом погребении сочетаются такие признаки, как обширная подбойная могила (размеры камеры говорят в пользу высокого статуса погребенного), северная ориентировка погребенного, наличие длинного меча.

Если принять идею о появлении сарматских зеркал-подвесок с центральной петелькой как развитие традиции китайских зеркал ханьской эпохи, то восточный характер их появления вполне вероятен. Китайские зеркала и подражания им, изготовленные, вероятно, в Средней Азии, наиболее активно поступали в сарматский мир после рубежа эр, начиная со среднесарматского времени [8]. Китайские образцы и их подражания имеют специфику распределения в позднесарматских памятниках. Большая часть их обнаружена в Южном Приуралье, что, вероятно, связано с контактами южноуральских кочевников со среднеазиатскими центрами, откуда эти предметы и попадали к сарматам [23, с. 92–95]. К западу от Волги в позднесарматских погребениях китайских зеркал и подражаний им практически нет. Единственная находка относится к самому раннему пласту позднесарматских древностей в Северном Приазовье – это китайское зеркало из Чугуно-Крепинки [24], датированное около середины II в. н.э.

Наиболее ранним зеркалом с центральной петелькой, которое не являлось прямым подражанием ханским зеркалам, считается находка из кургана 1 могильника Барановка I [28, рис. 18, б], датированная началом II в. н.э. Зеркала с центральной петелькой стали достаточно часто встречаются в позднесарматских памятниках с середины II в. н.э. [13]. Стоит отметить, что и в Барановке и в Чугуно-Крепинке зеркала встречены с ножницами, которые, появившись еще в среднесарматское время, стали ярким атрибутом позднесарматских погребений середины II – первой половины III в. н.э. Сочетание зеркал с цент-

ральной петелькой и ножиц, вероятно, носило ритуальный характер [17, с. 129].

Зеркала с центральной петелькой распространены в Южном Приуралье и более всего в Поволжье и на Нижнем Дону. В Северном Причерноморье зеркала с центральной петелькой во второй половине II – первой половине III в. н.э. не встречаются.

Прекращение поступления ханьских зеркал и подражаний им на территории к западу от Волги после середины II в. н.э. можно объяснить отсутствием устойчивых торгово-экономических связей со Средней Азией как наиболее вероятным поставщиком и даже производителем таких зеркал.

Сарматы восполняют отсутствие китайских зеркал и их реплик собственными образцами, украшая их орнаментами, которые были им ближе и понятнее, чем китайские схемы. Важным мотивом становится квадрат в центре оборотной стороны, который повторяется как на зеркалах с центральной петлей, так и на образцах с боковым ушком [13].

Большое количество находок зеркал с центральной петелькой на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье может объясняться их местным производством, на что указывают находки здесь отливочных форм [1, с. 21]. Сарматские зеркала с центральной петелькой в Приуралье также, вероятно, производились на месте [37].

Серия находок каменных деталей украшения ножен, наверхий и перекрестий мечей, часть из которых определяют как нефритовые или халцедоновые, обнаружена в сарматских комплексах II–III вв. н.э. Такие элементы отделки оружия практически всегда маркируют высокостатусные захоронения позднесарматских воинов [6, с. 179]. Традицию украшения мечей и ножен изделиями из нефрита и халцедона принято относить к китайским истокам [20, с. 209], хотя посредником в этом был среднеазиатский регион, где, вероятно, формировались элементы некоторых традиций воинской экипировки и производились подражания китайским вещам [6, с. 179]. Традиция использования каменных деталей отделки мечей охватывает весь ареал позднесарматской культуры во второй половине II – первой половине III в. н.э. Однако к западу от территории Нижнего Подонья она угасает [6, с. 179].

Анализ характерных признаков погребального обряда и некоторых категорий инвентаря, которые можно связать с восточными традициями в культуре кочевников, позволяет сделать некоторые выводы о раннем этапе позднесарматской культуры.

Восточные инновации в позднесарматской культуре не оставляют впечатления единого комплекса, позволяющего говорить о прямых связях со Средней Азией и происхождении носителей новой культуры из этого региона. Более того, после закрепления позднесарматского населения в Доно-Уральских степях связи со Среднеазиатским регионом становятся эпизодическими и, вероятно, связанными больше с контактами южноуральских кочевников со среднеазиатскими районами в процессе кочевания, чем с устойчивыми торгово-экономическими связями и деятельностью азиатских торговцев. Керамика из среднеазиатских мастерских не проникает западнее Волги. Каменные детали отделки мечей и ножен получают наибольшее распространение к востоку от Волги и в Нижнем Подонье. В Волго-Донском междуречье они практически не встречаются.

Непосредственным источником поступления вещей «восточного» круга к кочевникам позднесарматской культуры, вероятно, являлись районы Средней Азии, через которые проходили вещи китайского производства и где, скорее всего, делались подражания им, которые также попадали к сарматам. Кочевники южноуральского региона и Заволжья могли получать такие вещи при непосредственных контактах с районами Средней Азии.

В Нижнем Подонье появление престижных вещей «восточного» круга во второй половине II – середине III в. н.э. можно объяснить востребованностью их здесь. Именно в низовьях Дона находился политический центр кочевого объединения, которое охватывало и территорию Нижнего Подонья и Волго-Донское междуречье [14, с. 81–82]. Каменные детали отделки мечей были популярны и у сарматских предводителей, и у боспорской знати.

«Восточные» вещи могли попадать на Нижний Дон посредством торговли. Однако этот вопрос крайне сложен. По сравнению с предыдущим, среднесарматским этапом, когда отмечается массовое попадание к сарма-

там вещей импортного, в том числе китайского производства [36, с. 11], во второй половине II – первой половине III в. н.э. категории импортных вещей не имеют непрерывного ареала распространения в едином культурном пространстве, что не позволяет уверенно говорить о существовании торговых маршрутов по территории Волго-Донских степей из Средней Азии в западные районы распространения позднесарматской культуры. Однако нельзя исключать иные торговые пути из Азии в Северное Причерноморье. Греческие полисы Северного Причерноморья могли получать азиатские и китайские товары через рынки Передней и Малой Азии, Закавказья, которые не зависели от политической ситуации в кочевом сарматском мире. Уже из причерноморских греческих колоний эти товары могли попадать на Нижний Дон, минуя глубинные районы южнорусских степей.

Анализ распространения традиций погребального обряда, некоторых категорий инвентаря и вещей восточного происхождения в ареале позднесарматской культуры не позволяет уверенно говорить о распространении позднесарматской культуры в Северном Причерноморье. В Северо-Восточном Приазовье, на Донбассе известно несколько памятников, которые являются крайними западными погребениями, в которых в полной мере сочетаются традиции позднесарматского археологического комплекса (Шевченко, Чугуно-Крепинка) [24; 38]. Далее к западу эпизодические элементы позднесарматской культуры, встречаемые в памятниках второй половины II – первой половины III в. н.э., разрознены и не оставляют впечатления единого культурного пространства [21, с. 48]. Вероятно, в середине II в. н.э. экспансия носителей позднесарматской культуры в своем движении на запад достигла правого берега Дона. Появление новых черт, характерных для позднесарматской культуры, у кочевников Северного Причерноморья, вероятно, связано с проникновением сюда отдельных позднесарматских групп. Однако эти группы растворились в среде местных племен, не сформировав качественно новой культурной среды, как это произошло в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону. В дальнейшем, видимо, население Северного Причерноморья испытывало культур-

ное влияние позднесарматского этноса, перерабатывая его черты в соответствии с собственными представлениями.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья выполнена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ (проект № 33.2830.2017/4.6 «Юг России в эпоху раннего железного века: диалог культур Восток – Запад»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева, Т. М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса / Т. М. Арсеньева // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 20–23.
2. Арсеньева, Т. М. Раскопки Танаиса в восточной части городища / Т. М. Арсеньева, С. А. Науменко // Древности Боспора. – М.: ИА РАН, 2001. – Вып. 4. – С. 59–65.
3. Балабанова, М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов / М. А. Балабанова // Российская археология. – 2010. – № 2. – С. 67–77.
4. Балабанова, М. А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железного века и раннего средневековья: дис. ... д-ра ист. наук: в 2 т. / Балабанова Мария Афанасьевна. – Волгоград, 2013. – Т. 1. – 427 с.
5. Батиева, Е. Ф. Население Нижнего Дона (палеоантропологическое исследование) / Е. Ф. Батиева. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 160 с.
6. Безуглов, С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) / С. И. Безуглов // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов н/Д: Терра, 2000. – С. 169–193.
7. Глухов, А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. / А. А. Глухов. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2005. – 240 с.
8. Гугуев, В. К. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы / В. К. Гугуев, Ю. К. Трейстер // Российская археология. – 1995. – № 3. – С. 143–156.
9. Дзиговський, О. М. Сармати на заході Степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н.е. – першій половині IV ст. н.е. / О. М. Дзиговський. – Київ: АН України, Ін-т археології, 1993. – 203 с.
10. Китов, Е. П. Краниология могильника Солёный Дол позднесарматского времени в Южном Зауралье / Е. П. Китов, А. А. Хохлов // Курганный могильник Солёный Дол (итог исследования 2006–

2010 годов) / И. Э. Любчанский. – Челябинск : Абрис, 2017. – С. 124–131.

11. Клепиков, В. М. Раннесарматские погребения Нижнего Поволжья с северной ориентировкой / В. М. Клепиков // Нижневолжский археологический вестник. – 2014. – Вып. 14. – С. 51–56.

12. Клепиков, В. М. Комплексы позднесарматского времени могильника Перегрузное I / В. М. Клепиков, М. В. Кривошеев // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – Вып. 2. – С. 169–185.

13. Кривошеев, М. В. О хронологии позднесарматских зеркал с центральной петелькой / М. В. Кривошеев // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : тез. докл. I Междунар. Нижневолж. археол. конф. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – С. 238–242.

14. Кривошеев, М. В. Вопросы происхождения и развития позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье / М. В. Кривошеев // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 57–92.

15. Кривошеев, М. В. Позднесарматские комплексы с наборами клинков с территории Нижнего Поволжья / М. В. Кривошеев // Нижневолжский археологический вестник. – 2014. – Вып. 14. – С. 87–91.

16. Кривошеев, М. В. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени / М. В. Кривошеев // Материалы VIII Всерос. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. Уральский археологический вестник. Вып. 14. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. – С. 105–112.

17. Кривошеев, М. В. Ножницы в погребальном обряде сарматов / М. В. Кривошеев // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» : сб. ст. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. – С. 122–131.

18. Круц, С. И. Сарматы Таврии по антропологическим данным / С. И. Круц // Сарматы Таврии / А. В. Симоненко. – Киев : Наукова думка, 1993. – С. 131–141.

19. Курчатов, С. «Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты» – 40 лет спустя / С. Курчатов, В. Бубулич // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона. – Кишинев : Ин-т археологии и этнографии АН РМ, 2003. – С. 285–312.

20. Ли Джи Ын. Китайский импорт в памятниках Юга России (I в. до н.э. – III в. н.э.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 ; 07.00.06 / Ли Джи Ын. – Ростов н/Д, 2010. – 329 с.

21. Малашев, В. Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница / В. Ю. Малашев // Российская археология. – 2009. – № 1. – С. 47–51.

22. Малашев, В. Ю. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) / В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. – Волгоград, 2010. – С. 37–56.

23. Малашев, В. Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук / Малашев Владимир Юрьевич. – М., 2013. – 301 с.

24. Моруженко, А. А. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 1985 году / А. А. Моруженко, С. Н. Санжаров, В. А. Посредников // Научный архив ИА НАНУ. – 1985. – № 21381.

25. Мошкова, М. Г. Среднеазиатская керамика из позднесарматских комплексов / М. Г. Мошкова // Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). – Душанбе : Дониш, 1987. – С. 104–112.

26. Мошкова, М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья / М. Г. Мошкова // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5 Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 22–44.

27. Мошкова, М. Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. / М. Г. Мошкова // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. – М. : Вост. лит., 2009. – 176 с.

28. Сергацков, И. В. Сарматские курганы на Иловле / И. В. Сергацков. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – 396 с.

29. Симоненко, А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья / А. В. Симоненко // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5 Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 134–173.

30. Симоненко, А. В. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья / А. В. Симоненко // Нижневолжский археологический вестник. – 2011. – Вып. 12. – С. 168–182.

31. Скрипкин, А. С. Азиатская Сарматия во II–IV веках / А. С. Скрипкин // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 43–56.

32. Скрипкин, А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / А. С. Скрипкин. – Саратов : Саратов ун-т, 1984. – 150 с.

33. Скрипкин, А. С. Этюды по истории и культуре сарматов / А. С. Скрипкин. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997. – 104 с.

34. Скрипкин, А. С. Проблема происхождения позднесарматской культуры / А. С. Скрипкин // Нижневолжский археологический вестник. – 2011. – Вып. 12. – С. 183–196.

35. Скрипкин, А. С. Об одном типе раннесарматских курганных курганы / А. С. Скрипкин // Российская археология. – 2015. – № 1. – С. 106–111.

36. Скрипкин, А. С. О некоторых особенностях северного ответвления Великого шелкового пути / А. С. Скрипкин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 2. – С. 6–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.2.1>.

37. Таиров, А. Д. Рентгенофлуоресцентный анализ металлических предметов из кургана 21 могильника Магнитный (Южное Зауралье) / А. Д. Таиров, П. В. Хворов // Геоархеология и археологическая минералогия–2015. – Миасс : Ин-т минералогии УрО РАН, 2015. – С. 121–127.

38. Шепко, Л. Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье / Л. Г. Шепко // Советская археология. – 1987. – № 4. – С. 158–173.

39. Шилов, В. П. Позднесарматское погребение у с. Старица / В. П. Шилов // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Л. : Наука, 1968. – С. 310–322.

REFERENCES

1. Arsenyeva T.M. Liteinye formy dlia otlivki zerkal iz Tanaisa [Casting Molds for Casting Mirrors from Tanais]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, 1984, pp. 20-23.

2. Arsenyeva T.M., Naumenko S.A. Raskopki Tanaisa v vostochnoy chasti gorodishcha [Excavations of Tanais in the Eastern Part of the Settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. Moscow, IARAS Publ., iss. 4, 2001, pp. 59-65.

3. Balabanova M.A. Novye dannye ob antropologicheskom tipe sarmatov [New Data on the Anthropological Type of the Sarmatians]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2010, no. 2, pp. 67-77.

4. Balabanova M.A. *Pozdnesarmatskoe naselenie Nizhnego Povolzhya i sopredelnykh territoriy v antropologicheskom kontekste rannego zheleza i rannego srednevekovya: dis. ... d-ra ist. nauk* [Late Sarmatian Population of the Lower Volga Region and Adjacent Territories in the Anthropological Context of Early Iron and Early Middle Ages. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2013, vol. 1. 427 p.

5. Batiyeva E.F. Naselenie Nizhnego Dona (paleoantropologicheskoe issledovanie) [The Population of the Lower Don Region (Paleoanthropological Research)]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publishers, 2011. 160 p.

6. Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podonya) [The Late Sarmatian Swords (Exemplified by the Materials of the Don Region)]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [Sarmatians and Their Neighbours in the Don Region. Materials and Research on Don Archaeology]. Rostov-on-Don, Terra Publ., 2000, pp. 169-193.

7. Glukhov A.A. *Sarmaty mezhdurechya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.e.* [Sarmatians of the Volga-Don Interfluvium in the 1st – First Half of the 2nd cc. AD]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2005. 240 p.

8. Guguev V.K., Treister M.Ju. Khanskie zerkala i podrazhaniya im na territorii yuga Vostochnoy Evropy [Han Mirrors and their Replicas in the Territory of South of Eastern Europe]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 1995, no. 3, pp. 143-156.

9. Dzigovskiy O.M. *Sarmaty na zakhodi Stepovogo Prichornomorya naprikintsi I st. do n.e. – pepshiy polovini IV st. n.e.* [Sarmatians in the West of the Steppe North Pontic Region at the End of the First Century BC – First Half of the 4th Century AD]. Kyiv, IA NANU Publ., 1993. 203 p.

10. Kitov E.P., Khohlov A.A. Kraniologiya mogilnika Solenny Dol pozdnesarmatskogo vremeni v Yuzhnom Zauralye [Craniological Materials from Burial Mound Solenny Dol of Late Sarmatian Time in the Southern Trans-Urals]. Lyubchanskiy I. E., ed. *Kurganny mogilnik Selenyy Dol (itog issledovaniya 2006–2010 godov)* [Burial Mound Solenny Dol (research results of 2006-2010)]. Chelyabinsk, Abris Publ., 2017, pp. 124-131.

11. Klepikov V.M. Rannesarmatskie pogrebeniya Nizhnego Povolzhya s severnoy orientirovkoj [The Lower Volga Early Sarmatian Burials Oriented to the North]. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, 2014, iss. 14, pp. 51-56.

12. Klepikov V.M., Krivosheev M.V. Kompleksy pozdnesarmatskogo vremeni mogilnika Peregruznoe I [Burials of the Late Sarmatian Time in the Burial Mound Peregruznoe I]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on Archaeology of Volga-Don Steppes]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2004, iss. 2, pp. 169-185.

13. Krivosheev M.V. Okhronologii pozdnesarmatskikh zerkal s tsentralnoy petelkoj [On the Chronology of the Late Sarmatian Mirrors with Central Knob-Loop]. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzhya: tez. dokl. I Mezhdunar. Nizhnevolzh. arkheol. konf.* [Problems of Lower Volga Archaeology: Abstracts of the 1st

International Lower Volga Archaeological Conference]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2004, pp. 238-242.

14. Krivosheev M.V. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya pozdnesarmatskoy kultury v Nizhnem Povolzhye [Origin and Development of the Late Sarmatian Culture in the Lower Volga Region]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kultury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov. Vyp. III*. [The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (Based on Archaeological and Natural Science Data): Materials of the Seminar of the Center for Studying History and Culture of the Sarmatians. Iss. 3]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2010, pp. 57-92.

15. Krivosheev M.V. Pozdnesarmatskie komplekсы s naborami klinkov s territorii Nizhnego Povolzhya [The Late Sarmatian Complexes with Sets of Blades from the Territory of the Lower Volga Region]. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, 2014, iss. 14, pp. 87-91.

16. Krivosheev M.V. Importnaya metallichesкая posuda kak marker znatnykh pogrebeniy pozdnesarmatskogo vremeni [Imported Metal Tableware as a Marker of Notable Burials of the Late Sarmatian Time]. *Materialy VIII Vserossiyskoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»*, Ufa, IYal UNTs RAN, 12–15 maya 2014 g. [Materials of the 8th All-Russian Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (Ufa, May 12–15, 2014)]. Ufa, IYal UNTs RAN, Tsentr «Nasledie» Publ., 2014, pp. 105-112.

17. Krivosheev M.V. Nozhnitsy v pogrebalnom obryade sarmatov [Shears in the Burial Rite of the Sarmatians]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arkheologii. Materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»: sb. st.* [Konstantin F. Smirnov and Contemporary Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of 9th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”. A Collection of Articles]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2016, pp. 122-131.

18. Kruts S.I. Sarmaty Tavrii po antropologicheskim dannym [Sarmatians of Tavria According to the Anthropological Data]. Simonenko A.V., ed. *Sarmaty Tavrii* [Sarmatians of Tavria]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, pp. 131-141.

19. Kurchatov S., Bubulich V. «Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u s. Oloneshty» – 40 let spustya [“Sarmatian Burial from the Barrow near the Village Oloneshti» – 40 Years Later]. *Vzaimodeystvie kultur i khronologiya Severo-Pontiyskogo regiona* [Interaction of Cultures and Chronology of the North-Pontic Region]. Kishinev, In-t arkheologii i etnografii AN RM, 2003, pp. 285-312.

20. Li Dzhi Yn. *Kitayskiy import v pamyatnikakh Yuga Rossii (I v. do n.e. – III v. n. e.): dis. ... kand. ist. nauk* [Chinese Import in the Monuments of the South of Russia (1st Century BC – 3rd Century AD). Cand. hist. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2010. 329 p.

21. Malashev V.Yu. Pozdnesarmatskaya kultura: verkhnyaya khronologicheskaya granitsa [Late Sarmatian Culture: Upper Chronological Boundary]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2009, no. 1, pp. 47-51.

22. Malashev V.Yu., Moshkova M.G. Proiskhozhdenie pozdnesarmatskoy kultury (k postanovke problemy) [The Origin of the Late Sarmatian Culture (Formulation of the Problem)]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kultury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov. Vyp. III*. [The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (Based on Archaeological and Natural Science Data): Materials of the Seminar of the Center for Studying History and Culture of the Sarmatians. Iss. 3]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2010, pp. 37-56.

23. Malashev V.Yu. *Pozdnesarmatskaya kultura Yuzhnogo Priuralya vo II–III vv. n. e.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Late Sarmatian Culture of the Southern Urals in the 2nd–3rd Centuries AD. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2013. 301 p.

24. Moruzhenko A.A., Sanzharov S.N., Posrednikov V.A. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Donetskoy oblasti v 1985 godu [Report on Archaeological Research in the Donetsk Region in 1985]. *Nauchnyy arkhiv IA NANU*, 1985, no. 21381.

25. Moshkova M.G. Sredneaziatskaya keramika iz pozdnesarmatskikh kompleksov [Central Asian Ceramics from the Late Sarmatian Complexes]. *Proshloe Sredney Azii (arkheologiya, numizmatika i epigrafika, etnografiya)* [The Past of Central Asia (Archaeology, Numismatics and Epigraphy, Ethnography)]. Dushanbe, Donish Publ., 1987, pp. 104-112.

26. Moshkova M.G. Srednesarmatskie i pozdnesarmatskie pamyatniki na territorii Yuzhnogo Priuralya [Middle Sarmatian and Late Sarmatian Monuments in the Territory of the Southern Urals]. *Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoy khronologii: dokl. k 5 Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports to the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, 2004, pp. 22-44.

27. Moshkova M.G. Analiz sarmatskikh pogrebalnykh pamyatnikov II–IV vv. n. e. [Analysis of Sarmatian Burial Monuments of the 2nd–4th Centuries A.D.]. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. IV*.

Pozdnesarmatskaya kultura [Statistical Study of Funeral Antiquities of Asian Sarmatia. Vol. IV. Late Sarmatian Culture]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2009. 176 p.

28. Sergatskov I.V. *Sarmatskie kurgany na Ilovle* [Sarmatian Barrows on the Ilovlya River]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2000. 396 p.

29. Simonenko A.V. Khronologiya i periodizatsiya sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Chronology and Periodization of the Sarmatian Monuments of the North Pontic Region]. *Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoy khronologii: dokl. k 5 Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports to the 5th International Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History"]. Krasnodar, 2004, pp. 134-173.

30. Simonenko A.V. Zametki o pogrebalnom obryade pozdnykh sarmatov Severnogo Prichernomor'ya [Notes on the Funeral Rite of the Late Sarmatians of the Northern Black Sea Coast]. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, 2011, iss. 12, pp. 168-182.

31. Skripkin A.S. Aziatskaya Sarmatiya vo II–IV vekakh [Asian Sarmatia in the 2nd–4th cc.]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1982, no. 2, pp. 43-56.

32. Skripkin A.S. *Nizhnee Povolzh'ye v pervye veka nashey ery* [The Lower Volga Region in the First Centuries AD]. Saratov, Saratov univ. Publ., 1984, 150 p.

33. Skripkin A.S. *Etyudy po istorii i kulture sarmatov* [Etudes on the History and Culture of the Sarmatians]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2010. 104 p.

34. Skripkin A.S. Problema proiskhozhdeniya pozdnesarmatskoy kultury [The Problem of Origin of

the Late Sarmatian Culture]. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, 2011, iss. 12, pp. 183-196.

35. Skripkin A.S. Ob odnom tipe rannesarmatskikh kurilnits [On One Type of Early Sarmatian Incense Cups]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2015, no. 1, pp. 106-111.

36. Skripkin A.S. O nekotorykh osobennostyakh severnogo otvetvleniya Velikogo shelkovogo puti [On Some Peculiarities of Northern Direction of the Great Silk Way]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 2, pp. 6-14. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.2.1>.

37. Tairov A.D., Khvorov P.V. Rentgenofluorescentnyy analiz metallicheskiykh predmetov iz kurgana 21 mogilnika Magnitnyy (Yuzhnoe Zauralye) [XRF Analysis of Metal Objects from Barrow 21 of Burial Mound Magnitnyy (South Urals)]. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya–2015* [Geoarcheology and Archeological Mineralogy-2015]. Miass, In-t mineralogii UrO RAN, 2015, pp. 121-127.

38. Shepko L.G. Pozdnesarmatskie kurgany v Severnom Priazov'ye [The Late Sarmatian Barrows in the Northern Azov Area]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1987, no. 4, pp. 158-173.

39. Shilov V.P. Pozdnesarmatskoe pogrebenie u sela Staritsa [Late Sarmatian Burial near the Village Staritsa]. *Antichnaya istoriya i kultura Sredizemnomorya i Prichernomor'ya* [Ancient History and Culture of the Mediterranean and North Pontic Region]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, pp. 310-322.

Information about the Author

Mikhail V. Krivosheev, Candidate of Sciences (History), Head of the Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tyaf@mail.ru, arhlab@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Информация об авторе

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tyaf@mail.ru, arhlab@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4847-8209>